

ЭВЕРЕТТ ЧЕРРИНГТОН ХЬЮЗ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ: ИЗУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ИНСТИТУТОВ

В этой статье Хьюз предлагает рассматривать институты как действующие предприятия. Критикуя существующие подходы к определению институты и их статичные классификации, он включает в поле зрения не только наиболее устойчивые и конвенциональные коллективные упорядочения, но и все менее конвенциональные, менее кристаллизованные и еще социально не принятые деятельности, обладающие чертами предприятия. Эти единицы он требует рассматривать в широком интеракционном контексте, принимая во внимание не только их ядро, но также их периферийные коллективные мобилизации и среды. Предлагаемый подход к изучению институты Хьюз иллюстрирует на примере развития образовательных учреждений в США.

In this paper, Hughes proposes to treat institutions as going concerns. Criticizing the prevalent definitions of institutions and their static classifications, he brings into the field of attention not only the most persistent and conventional collective arrangements but also the whole range of less conventional, less established and as yet not socially accepted activities and goings-on which contain within themselves the element of enterprise. He demands to see these units in the larger interactional context or setting; this implies taking into account not only of their entrepreneurial core but also of their peripheral collective mobilizations and their environments. This approach to the study of institutions is illustrated by schematic description of the historical development of educational institutions in the United States.

Ключевые слова: институты, действующие предприятия, функционеры, мобилизации, социальные движения, институциональное разделение труда, среды институты, выживание институты.

Keywords: institutions, going concerns, functionaries, mobilizations, social movements, institutional division of labor, environments of institutions, survival of institutions.

Американские социологи в целом согласны изучать простых людей и скромные стороны жизни. Тем не менее, изучая институты — или, скорее, говоря об их изучении, — они впадают в ошибку высоколобого умствования. Они забывают, что, как говорил Джон Дьюи, «не бывает непорочного зачатия смыслов или целей» (см. прим. 1). Каждый соглашается, что институты должны быть центральным объектом социологического изучения, но тут же определяет их так, что самые интересные и значимые виды че-

---

* Первоначальная версия была прочитана в качестве доклада в Американской социологической ассоциации в 1957 г. Настоящая версия была прочитана в качестве доклада на заседании Юго-Западного социологического общества в 1962 г. Впервые опубликовано в: *Hughes E. C. The Sociological Eye: Selected Papers.* Chicago; N.Y., 1971. P. 52-64. Перевод сделан с этого издания.

ловеческих коллективных предприятий остаются вне сферы внимания. Короче говоря, термин *институт* страдает от передозировки респектабельности, если не лицемерия, а также, возможно, от переизбытка определений и классификаций.

Обычный классификационный перечень мало чем отличается от того, который привел Уильямс в книге «*Американское общество*» (см. прим. 2): родня, семья (брак); экономические институты (собственность, распределение, работа); политические и правовые институты (право, государство и т.д.); религия (магия); образование. Хотя этим почти исчерпываются также и списки, находимые в этнологических монографиях, описывающих примитивные общества, в некоторых этнологических работах появляются добавления, которые должны заставить нас призадуматься. Меланезийская *кула* и *лоболо* у банту, видимо, не поддаются классификации (см. прим. 3). Похоже, они являются институтами и экономическими, и семейными, и религиозными, и правовыми; я уверен, что они считаются также и образовательными. Мы были бы склонны не изучать их, если бы встретили в нашем обществе, как раз потому, что у них много функций; и это заставляет нас спросить, делаются ли классификации, чтобы помочь исследованию, или исследование – чтобы обслужить классификацию. Поскольку наша культура проявляет высокую степень институциональной специализации, мы можем и в самом деле найти какие-то институты, которые сильно не пострадают, если поместить их в одну из категорий Уильямса или кого-то еще. Но другие не подпадают с легкостью ни под одну категорию. И даже у тех, которые все же подпадают, есть комплекс функций, не предполагаемых категорией, в которую они, казалось бы, умещаются.

Кроме того, обычные определения делают *институт* высоким званием – званием, коего достойны лишь вещи, воплощающие высшие из человеческих ценностей. В результате даже многие наиболее устойчивые формы коллективных усилий выводятся из рассмотрения как слишком прозаичные, чтобы заслуживать этого звания. Новые предприятия изучаются как социальные проблемы или новые тенденции, которые берутся как вещи иного разряда, требующие для изучения и анализа иных понятий. Сельская баптистская конгрегация и церковь в здании торгового комплекса не прошли бы по конкурсу в большинство американских перечней социальных институтов. Агентство социальной помощи и художественный музей пробилась-таки в подобный список в книге Херцлера «*Американские социальные институты*» (см. прим. 4).

Поскольку общей чертой в определениях институтов является то, что это кластеры конвенций, то очевидными претендентами в перечни оказываются феномены, несомненно, конвенциональные, т.е. вещи, входящие в наиболее утвердившиеся публичные суждения о том, как мы что-то делаем (насквозь пропитанные убеждением в том, что это правильные способы делания). Но если мы захлопнем здесь свои перечни, то мы упустим главную и самую чарующую часть социологической работы, а состоит она в том, чтобы понять, как создаются и разрушаются социальные ценности и коллективные упорядочения: как вещи возникают и как они изменяются. Для прогресса в нашем деле нам нужно уделить полное и компаративное внимание всем имеющимся в нашем обществе «пока-еще-не» (the not-yets), всем «недоделанностям» (the didn't quite-make-its), всем не вполне респектабельным, не замечаемым и откровенно «анти-» поведением (goings-on).

Какая-то часть споров по поводу институтов касается их связей с ассоциациями и с организациями (употреблением множественного числа я подчеркиваю их кон-

кретность). Самнер высказал на этот счет важное соображение, сказав, что составными элементами института являются понятие и структура и что структура может быть непритязательной, вплоть до «возможно, всего лишь нескольких функционеров, поставленных сотрудничать предписанными способами при некоторой конъюнктуре», т.е. небольшого числа людей, действующих, когда приходит время (см. прим. 5). В его утверждении акцентируются активное ядро людей и социальное определение того, как и когда им следует действовать (конъюнктура оказывается тем, что Томас, возможно, назвал бы «определенной ситуацией»). Оно помещает людей в институт, но не замыкает вещи искусственно, в отличие от терминов *ассоциация* или *организация*, подразумевающих, что некоторое известное число людей «ассоциируется» или «организуется». Оно не сообщает, кто еще, кроме функционеров, и как именно вовлечен в институт. Оно оставляет нам свободу выяснения того, что за люди, в какой мере, в каких рамках, в каких качествах и какими способами мобилизуются вокруг сравнительно небольшого, более активного ядра людей — будь то функционеры в обычном смысле слова или выскочки, предприниматели или пророки.

Одно из наших хронических искушений подбивает нас думать, что пределы систем действия, которые мы изучаем, нам известны, а не принадлежат, как есть на самом деле, к числу неизвестностей, прояснение которых является в каждом отдельном случае нашей обязанностью. Можно вообразить и сопроводить примерами небольшие замкнутые группы ревностных людей, оглашающих к месту и не к месту свои свидетельства (т.е. политическую или религиозную секту); в этих случаях небольшое центральное ядро и тотальная мобилизация людей совпадают.

Можно вообразить небольшие активные ядра постоянно активных людей с несколькими более или менее скромными, крупными или даже колоссальными мобилизациями других людей, которые время от времени, от случая к случаю, от кризиса к кризису вовлекаются в орбиту взаимодействия в соответствии с принципами, которые, по крайней мере, теоретически, всегда можно открыть: проповедник и несколько старушек в обычные дни, больше людей по воскресеньям, еще больше на Пасху. Маленькое активное ядро может действовать как с надежным мандатом, так и без него. Его члены могут быть движимы разными чувствами или желанием достичь самых различных целей, от революции до сколачивания состояний (последнее при достаточной предприимчивости тоже может быть революционным).

Все бесчисленные и разнообразные вещи, которые в свете приведенных замечаний могут прийти на ум, я буду называть *действующими предприятиями* (*going concerns*) (см. прим. 6). Они проявляют себя во многих формах и могут находиться на любой стадии наличия, обретения или утраты морального, социального, правового или просто потребительского одобрения. Но при этом они опознаваемы как действующие предприятия — предприятия (*enterprises*), институты, организации, ассоциации, семьи — и существуют достаточно долго, чтобы их можно было увидеть. Они могут сохраняться так долго, претерпевать так много оборотов поколений в своих различных мобилизациях (от центра до периферии, и тут и там обычно со своим уровнем поколенческой текучести) и так сильно изменяться в иных аспектах, что философски мыслящие люди могут задаться вопросом, действительно ли наличная в данный момент сущность является той же самой, что и в прошлом, и если да, то в чем состоит это тождество (см. прим. 7). Во всяком случае, они имеют текущее существование и историческое измерение; открытие связей между тем и другим — одна

из наших главных социологических задач. Это требует от нас попытки выстроить некоторого рода порядок из разных контингенций, которым подчинены действующие предприятия, и тех перемен, которые происходят в них по мере того, как они переживают эти контингенции (стечения событий и обстоятельств); а часто им, разумеется, не удастся их пережить. Скорее всего, мы потерпим неудачу, если попытаемся сколотить для упорядочения этих контингенций и изменений очень плотно пригнанную систему; но вместе с тем мы уклонимся от нашего профессионального долга, если будем просто несистематически регистрировать события, появляющиеся на поверхности изменений.

Я хотел бы также твердо заявить о своем убеждении, что дихотомизация событий и обстоятельств как функциональных и дисфункциональных для систем будет, скорее всего, в отдаленной перспективе ограниченно полезной: отчасти потому, что может нести в себе допущение, будто кому-то известно, что для системы функционально, т.е. благо; отчасти потому, что это ценностные термины, основанные на посылке, что есть одна правильная и известная цель, ради которой система (действующее предприятие) существует, а действия и обстоятельства, мешающие достижению этой цели, дисфункциональны. Спор о задачах, целях и функциях — одна из обыкновенных форм человеческого дискурса. На ней держится процветание многих действующих предприятий, хотя резонно считать, что некоторые из них переживают такие споры и действительные смены целей лучше, чем другие. Обычное дело — собрать ежегодное собрание, чтобы решить, какой будет задача на грядущий год. Будем ли мы в этом году во славу Господа играть в баскетбол или громить коммунизм? Я, разумеется, не хочу этим сказать, что при изучении действующих предприятий цели или функции надо оставить без внимания; напротив, я говорю как раз о том, что выявление их и связей их с действующими предприятиями является еще одной из наших главных задач.

И наконец, этими терминами можно неправильно воспользоваться, если исходить из существования одной системы там, где их несколько и где их «потребности», пусть даже и взаимозависимые, могут не вполне согласовываться друг с другом.

Пора перейти от общих и критических замечаний к иллюстрациям и примерам. Со времен Колумба наш континент стал сценой, на которой расцвели пышным цветом всевозможные предприятия, организации и движения. Некоторые стали долговременными действующими предприятиями; другие, не менее интригующие, существовали недолго. Одной из заслуг ранней социологии в нашей стране было привлечение внимания к этим феноменам, сопровождавшееся попыткой хотя бы полусистематически их изучить. Почти все внимание поглощалось одними, а не другими экспериментами в делании, изменении и организации людей и вещей. С тех пор появилось много новых видов действующих предприятий, которым мы сегодня могли бы уделить внимание: благотворительный фонд, концентрационный лагерь, кибуц, игорные синдикаты, торговые центры, страхование, если назвать лишь некоторые из тех, которые не вошли бы в конвенциональный список.

Пионеры американской социологии — колумбийская группа, собравшаяся вокруг Гиддингса, и в особенности чикагская группа, образовавшаяся вокруг Смолла, Томаса и других, — проявляли большой интерес к судьбе различных сектантских и реформистских движений, возникавших в Америке или в нее трансплантированных, к многочисленным экспериментальным сообществам, которые основывались на нашем подвижном фронтире, а также ко множеству организаций и предприятий,

учреждавшихся в результате нашего этнического и расового разнообразия и событий, с ним связанных. Из их дискурса на эти темы родилось классическое утверждение Парка и Бёрджесса, опубликованное в 1921 г., о связях между социальными движениями и установившимися институтами. В качестве главного примера они взяли секту, но при этом предполагалось, что было бы полезно проследить другие виды социальных движений и посмотреть таким же образом на истоки и развитие других видов институтов (см. прим. 8).

Очень многие последовали совету изучать курс развития сект, обнаружив, конечно же, что не все следуют одним и тем же курсом, не все становятся одним и тем же видом действующего предприятия и не все, следующие общим курсом к превращению в терпимые и конкурирующие деноминации, делают это с одинаковой скоростью. На самом деле цикл «от секты к деноминации», видимо, наиболее типичен для неконформистских протестантских движений, находящихся в таком положении, что группа в целом и ее индивидуальные члены могут появиться в мире одновременно. В католицизме аналоги сектантских движений, когда их не успевали подавить в зародыше, становились новыми религиозными орденами или новыми дополнительными органами самой церкви (см. прим. 9). Род действующего предприятия, вырастающий из успешного религиозного движения, есть, следовательно, функция более широкой социальной системы, в которой он появляется, и способов, которыми он производит изменения, позволяющие ему выжить. Именно эту историю прекрасно рассказал нам Фрейзер в книге «*Негритянская церковь в Америке*».

В Европе есть много литературы о предприятиях, возникших из социалистического и иных рабочих движений. Карл Каутский провел подробное сравнение приспособления движения ранних христиан к миру с приспособлением к нему современного социализма (см. прим. 10). Больше тому, что я имею в виду, соответствуют работы, в которых описывается развитие нескольких видов предприятий, выросших непосредственно из рабочего движения, таких, как кооперативы, профессиональные союзы, просветительские и рекреационные центры и клубы, а также пресса (см. прим. 11). Описанные курсы развития поразительно, вплоть до мельчайших деталей, напоминают курсы развития успешных религиозных движений в Америке.

Предложение Парка провести такой же анализ других движений и предприятий не нашло широкого отклика. Один из видов, который мы могли бы с пользой для себя исследовать, — это многочисленные образовательные движения и предприятия, которые затевались с какой-то единичной целью, среди них: сельскохозяйственные и технические колледжи, поддержанные около века тому назад Актом о безвозмездной передаче земли; механические училища (*mechanics institutes*), задачей которых было поднять рабочих и городскую жизнь на новый уровень распространения прикладного научного знания; педагогические училища, которые должны были установить нормы обучения и мастерства в кругу нашей тогдашней быстро росшей и набранной из всякой шушеры армии учителей средних школ; сектантские библейские школы, призванные учить людей проповедовать Евангелие и при этом удерживать их на безопасном расстоянии от светских и чрезмерно интеллектуальных колледжей и университетов с их склонным к критическому мышлению профессорско-преподавательским составом; различные движения по обучению рабочих философии Маркса, «Рыцарей труда» или чудесам Единого Налога; ремесленные школы и училища, учреждавшиеся как домашние миссионерские предприятия для освобож-

денных рабов, неотесанных «детей гор» и индейцев; профессиональные вечерние курсы для обездоленных горожан, основными антрепренерами которых были YMCA и католическая церковь; школы и колледжи, которые основывались иммигрантами с целью сохранения их родной культуры; и, наконец, образовательные предприятия, которые затевались людьми, просто желавшими реформировать само образование путем отсоединения его от футбола, введения совместного обучения мужчин и женщин, принятия новых методов или задания новых стандартов (Антиоки, Риды, Оберлины, Беннингтоны). Общим в этих предприятиях было то, что они затевались с какой-то одной ясно поставленной целью. Вместе с тем, о них можно сказать то, что говорит Хитрингтон обо всех коллективных предприятиях: их цели были единичными и ясными только в момент их зарождения (см. прим. 12). У нас есть достаточно исследований, чтобы сконструировать, по крайней мере, одну общую линию развития (не единственно возможную) тех из них, которые продолжают существовать.

Некая секта учредила на Среднем Западе библейскую школу на открытом воздухе. Был разбит лагерь, где ее члены собирались для продолжительных «оживлений духа» в больших палатках. Чуть поодаль находились дома, которые занимали лидеры движения; эти дома использовались наполовину как моленные дома, наполовину как редакционный отдел евангельского периодического издания, продававшегося далеко за пределами самой секты и приносившего много денег. Все, кто имел какую-либо связь с библейской школой, были, прежде всего, членами секты и только во вторую очередь, или инструментально, членами школы. Преподавание было всего лишь особой формой проповедования, или подготовки других к несению истинного свидетельства. Ученики приходили вследствие решения изменить свой образ жизни; никаких фиксированных академических стандартов поступления не было. Курс обучения был коротким и не вел к получению степени. Учеба в школе приносила только новую позицию в сектантском движении. Деньги, поступающие в школу, принадлежали секте.

Можно сказать, что для всех людей и деятельности существовала единственная и недвусмысленная точка отсчета: их религиозное движение. Однако в силу ряда процессов, которые мы здесь подробно описывать не будем, школа как действующее предприятие приобретала все больше и больше внешних референций. Ученики все более становились просто подростками, пришедшими учиться в этот колледж, а не в какой-то другой, и в обычном возрасте, когда это делают, а не в силу запоздалой тяги к проповедованию. Вырастал двойной студенческий корпус: одну его часть составляли дети членов церкви, которые могли прибывать отовсюду, где жили такие люди; другую часть — не члены, по большей части из мест, находящихся в радиусе ежедневных автобусных поездок. Учителя во все большем числе и во все большей степени начинали действовать и мыслить себя как учителя, входящие в круг преподавателей их особых предметов; некоторые из них начали переходить с места на место, становясь частью странствующей группы преподавателей, считающихся более или менее взаимозаменяемыми частями в неофициальной маленькой лиге евангельских религиозных колледжей. Колледж (в конце концов прямо названный колледжем) стремился к аккредитации. Чтобы этого добиться, ему нужно было принять стандарты, установленные образовательным миром, некоторые из которых расходились с традициями церкви. Постепенно начинали поступать какие-то деньги от промышленных компаний, имеющих предприятия в сообществе, и вот уже заходит разговор о назначении в управляющий совет лидеров сообщества и промышленных

лидеров, не принадлежащих к церкви. Колледж, однако, ревниво цепляется за свою почти монополию на подготовку духовенства и мирских лидеров церкви.

Схожие изменения прослеживаются в сельскохозяйственных колледжах и педагогических училищах. Двое моих студентов подробно проанализировали развитие двух педагогических училищ; еще один проследил курс развития школы, которая была создана для подготовки секретарей YMCA. Позвольте мне обобщить обнаруженные ими виды изменений. Курсы обучения являются поначалу сугубо инструментальными для основавшего школу движения или организации, не соответствуя по продолжительности курсам обучения в других школах и колледжах. Далее они приближаются по содержанию и продолжительности обучения к профессиональным курсам и системе колледжа.

Студенты в высокой степени специализированы, учатся на разных этапах своей жизни и имеют на старте разные уровни предшествующего школьного образования; со временем студенческий корпус начинает все больше соответствовать общему населению школ и колледжей по возрастному и половому составу и периодам пребывания в учебном заведении. Преподавательский состав представляет собой первоначально группу людей, которые являются, в первую очередь, кем-то еще: проповедниками, школьными учителями, так называемыми «научными фермерами», секретарями YMCA. Со временем он начинает включать в себя людей, для которых преподавание в этом конкретном колледже является частью их кочевых карьер в академической среде. Администраторы и начальство вначале представляют собой в некотором роде выборку из людей, членствующих в движении или в иных причастных к основанию учебного заведения предприятиях (concerns); постепенно они приближаются по общему характеру и выборке лиц к управляющим советам других колледжей. Деньги в большинстве случаев поначалу, видимо, поступают из источников, преданных, прежде всего, тому делу, которому служит новое предприятие (enterprise), а не просвещению как таковому; со временем новое действующее предприятие начинает само искать деньги, более или менее успешно, у людей и организаций, привыкших жертвовать деньги колледжам, и укладывать свои прошения о финансировании в ту или иную слегка изменчивую версию обычных терминов и символов.

Можно бы было это подытожить, сказав, что первоначально эти образовательные предприятия содержались внутри некоего движения или иного действующего предприятия; они были, можно сказать, субмобилизацией внутри таких движений. В конце концов они сочленились с более широким обществом, особенно с целостной системой колледжей, университетов и всего, что с ними связано. Они стали похожи на другие колледжи; но, что еще важнее, они вошли с ними в конкуренцию, вынужденные теперь извлекать выгоду как из своих сходств с ними, так и из своих реальных и потенциальных отличий от них.

Сотни колледжей в стране судорожно решают, к какой академической процессии им присоединиться. Некоторые, некогда занимавшие незыблемое место как единственные подходящие колледжи для семей той или иной религиозной деноминации, сталкиваются с тем, что эти семьи уже не выбирают колледж по деноминационным основаниям. Такой колледж может решить попробовать занять место среди небольшой элиты *по ту сторону гор* — к западу от Аппалачей. В наши дни он, несомненно, сможет найти студентов, так как имеется большой избыток претендентов, отвергнутых так называемыми «восточными» колледжами. Но сможет ли он

набрать профессорско-преподавательский состав и добыть деньги, чтобы осуществить это изменение? Почти наверняка среди уже имеющихся профессорско-преподавательских кадров найдутся люди, которые из преданности старой деноминационной роли и просто из неприязни к переменам будут противостоять действительным изменениям профессорско-преподавательского состава и учебного плана, необходимым для новой роли. Кроме того, возможно, не удастся выбить новые деньги для спасения колледжей из фондов, правительства и новых промышленных комитетов, не поставив под угрозу старые источники денежных поступлений.

Схожие проблемы подстерегают педагогические колледжи, жаждущие подняться до положения гуманитарных колледжей. Что произойдет с многочисленными школами и колледжами, учрежденными для людей, называемых в документах методистской церкви вольноотпущенниками (*freedmen*), я, будучи ребенком, видел в рабочем кабинете моего отца. Некоторые из этих заведений учреждались белыми северянами в рамках домашней миссионерской деятельности. Некоторые учреждались неграми, обычно при финансовой поддержке определенного сорта белых людей. Вы сами знаете, насколько они различны. Есть одно учреждение, президент которого взял за правило собственноручно писать мне каждый год письма с просьбой помочь деньгами. Бывают заведения, где президент и, возможно, один-два приспешника командуют жалкой маленькой империей, состоящей из профессорско-преподавательских кадров, которые не могут никуда уйти, поскольку никто их больше не возьмет, и студентов, которые настолько невежественны, что не смогли бы поступить в какой-нибудь колледж получше, и настолько ограничены в кругозоре, что, вероятно, даже не знают, что бывает что-то лучшее. Их могут держать еще и в должниках перед колледжем, заставляя расплачиваться подстриганием газонов у президента за несколько центов в час под прикрытием того, что им якобы помогают подзаработать. Это академические издолщики. Эти колледжи, разумеется, неотличимы от многих белых колледжей. Очень плохо, что негритянские и белые предприниматели, руководящие этими заведениями, отгораживаются друг от друга расовыми барьерами; я уверен, они могли бы многому друг у друга научиться.

Надо сказать, что для негритянских студентов учреждены и заведения совершенно иного калибра. Какая судьба их ждет? В какой академической процессии они могут и будут шествовать? В течение многих лет у них была созданная сегрегацией монополия на лучших негритянских студентов и лучших негритянских преподавателей. У них никогда не было монополии на львиную часть чьих-либо денег, хотя часть средств, которые они получали, составляли деньги, выделяемые под конкретную цель развития негритянского образования, а не просто образовательные деньги, ищущие лучший колледж, которому бы не зазорно было отдаться. В той степени, в какой нынешние движения будут успешными, факт негритянского окраса не будет давать этим институтам, даже лучшим, монополии на что-либо в будущем. До сих пор дело, по-видимому, обстоит так, что многие негритянские студенты предпочитают учиться в этих заведениях. Кортшип, я слышал, одно из них. Но этим колледжам все труднее соперничать с другими за привлечение негритянских ученых и специалистов. Что касается денег, то всем образовательным институтам, включая самые оснащенные, приходится искать новые деньги, чтобы справиться с растущими расходами. Какой будет судьба негритянских колледжей в привлечении новых денежных средств, я не знаю. Все зависит от обстоятельств, с которыми придется счи-

таться. Выживут ли негритянские учебные заведения, а если да, то в какой форме, с какими студентами, с каким штатом и с какими деньгами — этого я сказать не могу. Уверен, что некоторые из присутствующих здесь работают над этой проблемой. Разумеется, есть такие сообщества, где негритянский университет является институтом, который переживет десеграцию.

Случай негритянских колледжей — лишь один из множества подобных. Многие американские действующие предприятия — церкви, колледжи, больницы, профессиональные практики, страховые общества, кладбища, похоронные учреждения — учреждались для эксплуатации почти монопольных рынков, создаваемых этническими, религиозными или расовыми различиями. Во многих случаях монополия базировалась на пристрастиях (*tastes*) людей к благам и услугам, специфичным для их особой группы. В других случаях это была монополия, созданная эксклюзивом. Одной из контингентий таких институтов в нашей стране является исчезновение монопольного рынка, происходящее вследствие ассимиляции вкусов и интеграции потребителей, клиентов и участников в мейнстрим американской жизни. Одни институты переживут эти процессы; другие — нет. Негритянский случай будет для нас ключевым. Негритянская больница, негритянские страховые и похоронные общества, а также бизнесы, возможно, даже парикмахерские — все сталкиваются с контингентиями и могут попадать в различного рода дилеммы.

Негритянские больницы с такими дилеммами уже столкнулись. В некоторых городах у пациентов-негров до сих пор нет такой же, как у белых, свободы выбора врачей и больниц (мягко говоря), но в то же время достаточно свободы, чтобы в негритянскую больницу попадали только самые бедные пациенты. Это создает проблему привлечения негритянского медицинского персонала, хотя негритянский врач до сих пор не имеет полного доступа в больницы и может быть вынужден работать в негритянской больнице, даже если она настолько посредственна, что работа в ней подрывает его репутацию. Для негритянской больницы возникающие отсюда денежные проблемы катастрофичны, хотя не обязательно сказываются на качестве предоставляемых населению медицинских услуг.

Действующие предприятия подстерегают всякого рода провалы и неудачи. Сначала могут исчезнуть деньги; возможно, персонал; или, возможно, клиенты. В каком порядке предприниматель предпочел бы столкнуться с изменениями — интересный вопрос.

Даже те институты, которые кажутся наименее изменившимися в ходе морского путешествия в Америку, здесь уже далеко не те, какими были на родине. Католицизм — везде католицизм; но один французский *abbé*, посетив нашу страну, увидел, что работа здешнего пастора очень отличается от работы пастора в Европе.

В Америке, когда строится новый город или даже когда существующий приход становится слишком большим, епископ призывает молодого священника и выделяет ему некоторую территорию: «Вам доверен район между такой-то и такой-то улицами; идите и трудитесь». Вопросы о здании и деньгах не возникает; он должен позаботиться о себе сам. В считанные годы всё создано, организовано и почти оплачено... Понятно, что священник, чтобы справиться со своей работой, должен быть активным и поддерживать хорошие отношения с прихожанами (см. прим. 13). Американский пастор вынужден быть предпринимателем; и это совершенно не похоже на «деревенскую жизнь» английского приходского священника (*incumbent*), пред-

приимчивость которого, вероятно, неприятно поразила бы каждого. В нашей стране гарантированные ресурсы, дающие человеку возможность быть названным «пребывающим в» (*incumbent*) должности, обычно отсутствуют; по крайней мере, так было вначале. Все институты у нас исторически укоренены в предприимчивости; многие должны постоянно ее демонстрировать, чтобы выжить. Эта предприимчивость, которая удерживает предприятие (*concern*) в действующем состоянии (*going*), может изменять его характер, его функцию и даже его среду.

Когда мы говорим об институтах как о предприятиях (*enterprises*), мы, в сущности, подчеркиваем, что они должны продолжаться во времени в средах, к которым они должны приспосабливаться. Многие текущие исследования организационных систем игнорируют среду. Они толкуют о внутренней организации бизнесов, больниц и школ, уделяя мало внимания действительной среде, в которой институт пребывает. В какой-то мере институт сам выбирает свою среду. Это одна из функций института как предприятия. Кто-то внутри института действует как предприниматель. Он может действовать как предприниматель ради собственной выгоды и использовать институт как что-то вроде инструмента. Так это или нет, в большинстве институтов имеется, по крайней мере, центр предприимчивости, и одна из вещей, которую предпринимательский элемент должен делать, — это выбирать, в возможных пределах, ту среду, на которую институт будет реагировать. Речь во многих случаях идет об источниках его финансирования, источниках его клиентуры (неважно, будут ли это клиенты, покупающие туфли, образование или медицинское обслуживание) и источниках его персонала различных градаций и видов. Это экология институтов, в исходном смысле этого термина.

Изменение в среде может происходить без всяких специальных усилий со стороны предпринимателей института, или к нему могут сознательно стремиться. Как правило, происходящее является смесью того и другого. Возьмем для примера Оберлин-колледж, который — будучи поначалу экспериментальным, чрезвычайно религиозным институтом, выражавшим новоанглийский дух в среде Среднего Запада, — стал со временем богатым колледжем, где учатся студенты со всей страны, отбираемые из определенного класса молодых людей, являющихся детьми довольно четко определенных классов родителей. В итоге он стал предпрофессиональным колледжем, на что некоторые студенты жалуются. Они говорят, что интерес к тому или иному курсу диктуется не его содержанием, а тем, насколько он ценен в качестве ступени к тому, чтобы добиться поступления в выбранный университет или профессиональное учебное заведение.

Выбирая свои среды, институты развивают между собой разделение труда. Каковы, например, функции разных образовательных учреждений в Вашингтоне, Бостоне, Чикаго или Нью-Йорке? Во всех этих городах есть много заведений, известных как университеты. Например, в Бостоне выглядит очевидным, что средой Северо-Восточного университета, крупнейшего в городе, являются сам Бостон, непосредственно окружающий его регион и определенные классы людей внутри этого региона. Он зарождался как вечерняя школа. Гарвард имеет, разумеется, общенациональную или международную среду. Он набирает студентов отовсюду и кладет это в основу своей политики. Его персонал также набирается из широкой среды.

Фактически у институционального предприятия есть несколько сред. Одна из них — его клиентская среда, та, из которой оно добывает людей, которых обслуживает. Другая — среда, из которой оно набирает свой персонал. Третья — среда, из

которой оно извлекает финансовую поддержку. Эти три среды могут совпадать. В случае сектантского колледжа они поначалу тождественны. С течением времени они перестают быть тождественными. Студенты могут черпаться из одной среды, персонал – из другой, а деньги – из третьей. В наши дни, когда одним из источников денег для всякого рода институтов все больше становится государство, одной из важнейших форм предприимчивости в институтах оказывается приспособление к государственным требованиям, иначе говоря, соблюдение этих требований для получения государственных денег. Разумеется, это создает еще один вид среды, который можно назвать политической средой института или, в каком-то смысле, сентиментальной средой. Кто те люди, которые в него верят и чувствуют себя вправе критиковать его курс действий? Я предполагаю, что работа вездесущего агента по связям с общественностью состоит в том, чтобы выяснить, что это за люди, и определить для них этот институт, придав ему удовлетворительный и даже более чем удовлетворительный образ – такой образ, чтобы эти люди не просто его одобрили, но и активно поддержали в конкуренции или конфликте с другими институтами.

Среду, полагаю, можно было бы назвать и рынком. Институт выходит на рынок, где добывает деньги, студентов, штатных сотрудников, священников, любую помощь и любой персонал, в которых он нуждается. Есть добротные описания среды, или рынка, на котором любому данному институту удается добывать для себя эти желаемые вещи. Нам нужно изучить это лучше, и, кстати говоря, такие исследования будут по характеру более историческими, чем та работа, к которой социологов подталкивают их обычные повадки.

Позвольте мне завершить эти многословные размышления, сказав еще раз, что при изучении американских институтов нам следует не определять их окончательно заранее, а внимательно смотреть на виды коллективных предприятий, возникшие в нашей стране, и проследивать их прохождение через те многочисленные контингенции, с которыми им приходится сталкиваться в ходе своего выживания, – если они выживают. Хотя я брал свои иллюстрации в основном из образовательного предпринимательства, которое меня в данный момент больше всего интересует, их с таким же успехом можно было бы взять из семей, бизнесов и многих других видов действующих предприятий.

Примечания

1. *Dewey J.* Human Nature and Conduct. N.Y., 1922. P. 31.
2. *Williams R.M.* American Society. N.Y., 1951.
3. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. N.Y., 1922, 1961. P. 88-104, «The Essentials of the Kula» (см. рус. перевод: *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. С. 99-122, «Сущность кула»). Относительно *лоболо* см. любую работу о банту.
4. *Hertzler J.O.* American Social Institutions. Boston, 1961.
5. *Sumner W.G.* The Folkways. N.Y., 1906. P. 53.
6. Выражение *going concern* обладает большей многозначностью, чем может предполагаться выражением «действующее предприятие» в первом приближении: оно может быть отнесено к широкому кругу явлений, причисляемых в соответствии с ходячими социологическими шаблонами к макро-, мезо- и микроуровням социальной жизни. В последнем случае *going concern* могло бы означать «продолжающееся (или текущее) дело». В некоторых работах вместо *concern* Хьюз пользуется словом *enterprise*, «предприятие», понимая его в широком смысле, как нечто такое, что кем-то «предпринимается». Эту многозначность нужно постоянно иметь в виду. – *Прим. перев.*
7. *Rothénbücher K.* Über das Wesen des Geschichtlichen und die gesellschaftlichen Gebilde. Tübingen, 1926. Эта работа остается лучшим обсуждением данного вопроса в социологических терминах.
8. «Данный очерк предполагает, что секта, как и большинство других социальных институтов, рождается в условиях, типичных для всех институтов этого вида, а далее развивается определенными и предска-

заемыми путями в соответствии с некоторой формой, или энтелехией, predeterminedенной внутренними процессами и механизмами; короче говоря, у нее есть своя природа и естественная история, которые можно описать и объяснить в социологических терминах. Секты берут свое начало в социальном беспокойстве, которому они дают направление и выражение в формах и практиках, определяемых по большей части историческими обстоятельствами; движения, бывшие поначалу рудиментарными импульсами и устремлениями, постепенно обретают форму; определяются политические программы, формулируются доктрина и догмы; и, наконец, развиваются административная машинерия и эффективность, позволяющие претворять цели и программные принципы в жизнь...

Секту в ее конечной форме можно, следовательно, описать как движение за социальную реформу и возрождение, которое стало институционализированным. Со временем, когда ей удастся аккомодироваться к другим соперничающим организациям, так что сама она становится к ним терпимой и они, в свою очередь, ее терпят, она имеет тенденцию принимать форму деноминации. Деноминации склонны и, возможно, даже обречены объединяться в форме религиозных федераций – что для секты совершенно невысказано.

То, что верно для секты, мы можем и должны принять, коль скоро хотим сделать социальные движения предметами социологического исследования, как относящееся также и к другим социальным институтам. Существующие социальные институты представляют собой социальные движения, выжившие в конфликте культур и в борьбе за существование.

Секты и то, что их характеризует и отличает от секулярных институтов, имели, по крайней мере, свои истоки в движениях, нацеленных на реформу нравов, – движениях, стремившихся обновить и возродить внутреннюю жизнь сообщества. Их воздействие на общество шло изнутри вовне. Революционные движения и движения за реформу, напротив, были направлены против внешней ткани и формальной структуры общества. Революционные движения исходили, в частности, из того, что если существующую структуру удастся разрушить, то на руинах старой структуры можно будет воздвигнуть новый моральный порядок...

Возникает яростное, хаотичное и неупорядоченное, но наполненное энтузиазмом и массовое движение. Наконец движение принимает форму, развивает лидерство и организацию, формулирует доктрины и догмы. В конце концов оно принимается, утверждается, легализуется. Движение умирает, а институт остается».

Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1921. P. 873-874.

9. Сравнительные исследования сект см.: *Pfautz H.W.* The Sociology of Secularization: Religious Groups // American Journal of Sociology. 1955. Vol. LXI. P. 121-128; *O'Dea T.F.* Mormonism and the Avoidance of Sectarian Stagnation: A Study of Church, Sect, and Incipient Nationality // American Journal of Sociology. 1954. Vol. LX. P. 285-293. Религиозными орденами, выросшими из движений внутри католицизма, являются Орден проповедников (доминиканцы), Орден братьев-миноритов (францисканцы) и Общество Иисуса (иезуиты).

10. *Kautsky K.* Foundations of Christianity; a Study in Christian Origins. N.Y., 1925. Part IV, Chap. 5. «The Evolution of the Organization of the Congregation».

11. *Cassau T.O.* Die Gewerkschaftsbewegung; ihre Soziologie und ihr Kampf. Leipzig, 1930; Die Konsumvereinsbewegung in Deutschland. Leipzig, 1924; *Kantorowicz L.* Die sozialdemokratische Presse Deutschlands, eine soziologische Untersuchung. Tübingen, 1922. Эти и многие подобные им работы были написаны тогда, когда названные действующие предприятия находились в зените славы в Веймарской Республике. Когда к власти пришел Гитлер, возникли новые контингенции.

12. *Hetherington H.J.M., Muirhead J.H.* Social Purpose. N.Y., 1918. Материал о курсе развития некоторых из этих образовательных предприятий см.: *Ross E.D.* A History of Iowa State College. Ames, 1942; *Fletcher R.S.* A History of Oberlin College from its Foundation through the Civil War. 2 vols. Oberlin, 1943; *Flint J.* Kent State from Normal School to University. The Study of an Institution in Process (неопубликованная магистерская диссертация, Чикагский университет, июнь 1951 г.); *Briggs C.* George Williams College, 1925-50. A Study of Institutional Change (неопубликованная магистерская диссертация, Чикагский университет, июнь 1952 г.); *Nelson L.B.* The Secularization of a Church-Related College (неопубликованная магистерская диссертация, Чикагский университет, июнь 1953 г.). Есть много юбилейных историй колледжей, полезных для нашего обсуждения, а недавно появились и кое-какие исследования изменений в педагогических училищах.

13. Из книги, написанной аббатом Феликсом Клейном примерно в 1905 г. Подборка выдержек из нее воспроизводится в: *Handlin O.* This Was America. Cambridge, 1949. P. 423-433.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета - Высшая школа экономики (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.
